

117/0
208970

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

**ЯЗЫК, СЛОВО,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Материалы
II Международной научной конференции

25—27 октября 2000 года

Часть I

Минск 2000

УДК 41
ББК 81
Я 412

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ им. М. Танка

Редакционная коллегия: А.М. Бордович, А.А. Гируцкий (отв. редактор),
И.П. Кудреватых, Т.Г. Трофимович, Л.В. Чернышова

Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора
А. А. Гируцкого

Я 412 Язык, слово, действительность: Материалы II Междунар. науч. конф. ...
В 2 ч. — Мн.: БГПУ им. М. Танка, 2000. — Ч. I. — 157 с.
ISBN 985-435-259-5

Материалы издания посвящены теоретическим аспектам соотношения
слова, языка и действительности, историческим особенностям развития языков,
структурным свойствам языка, проблемам лингвокультурологии.

Адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и всем
интересующимся данной проблемой.

2010

ISBN 985-435-259-5
ISBN 985-435-261-7

© Коллектив авторов, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Гируцкий (Минск). ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКО-ЗНАНИЯ	6
Н. Ю. Авина (Вильнюс). АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ЛИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ, ИЗДАВАЕМЫХ В ЛИТВЕ)	11
И. А. Ахтирей (Минск). КОНТЕКСТ КУЛЬТУРЫ И ЧУЖАЯ РЕЧЬ	14
И. И. Анших (Минск). К ИЗУЧЕНИЮ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА АНАГРАММЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ А. ПУШКИНА "МЕДНЫЙ ВСАДНИК" И ПЕРЕВОДА ЕЕ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК)	18
С. С. Ануфриева (Витебск). МЕСТО ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ЛАКУН В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ ПОДТЕКСТА	21
Л. Б. Армоник (Минск). ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НЕПРОИЗВОДНЫМИ И ПРОИЗВОДНЫМИ СЛОВАМИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ОСОЗНАНИЯ	23
Т. В. Балун (Минск). ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ИССЛЕДОВАНИЯ	25
С. Г. Барбук (Минск). ПРОБЛЕМА СЕМАНТИКИ СЛОВСОСЛОЖЕНИЙ	28
Г. Басава (Иена). НАДЪЯЗЫЧНАЯ КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ ШЛЯХІ ЯЕ ВЬЯЎЛЕННЯ ў ЗАМЕЖНАЙ АЎДЫТОРЫІ	32
Ж. С. Бекетаева (Амстердам). АВТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОВОГО КОНТИНУУМА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ	33
Г. И. Березина (Калининград). ЛИЧНОЕ ИМЯ И САМОСОЗНАНИЕ ЕГО НОСИТЕЛЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ	36
Т. Л. Бусов (Минск). К ИЗУЧЕНИЮ РЕЦЕССИВНОГО УДАРЕНИЯ	40
Л. П. Бунельвич (Минск). ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -Н(-ЬН-), МОТИВИРОВАННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ	42
С. А. Важиц (Минск). МЕТОДИКА КАНТРАСТЫЎНАГА АПІСАЊНЯ БЕЛАРУСКАГА П'ОЛЬСКАГА ДЗЕЯСЛОВА ў (ВОПЫТ СУПАСТАЎЛЯЛЬНА-ДЫСТРЫБУТЫЎНАГА НАЛІЗУ)	45
С. И. Василевская (Минск). К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ	48
И. Р. Винник (Минск). ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ИМПРЕССИОНИСТА Б. ЗАЙЦЕВА (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	50
И. Л. Волощук (Минск). ПРОБЛЕМА РЕФЛЕКСИВНОСТИ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНЫХ СЛОВ	52
І. В. Галубенка (Минск). ЛЕКСІКА-СТЫЛІСТЫЧНАЯ ЭКІВАЛЕНТНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ І РУСКІХ ТЭКСТАЎ	55
Г. А. Гвоздович (Минск). РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ОБЪЕКТ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	58
В. М. Гейкин (Витебск). ТОПОНИМИЧЕСКИЕ РУСНЕМЫ И ОТТОПОНИМНАЯ ЛЕКСИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ ВИТЕБЩИНЫ)	60

Л. А. Гируцкая (Минск). ШЛЯХІ ПAVЫШЭННЯ ЭФЕКТАў НАВУЧАННЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ СТУДЭНТАў ТЭХНІЧНЫХ ВУН.....	63
И. А. Гируцкий (Минск). НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ.....	63
А. И. Годовня (Минск). НОМИНАЦИЯ В БЕЛОРУССКИХ СЛОЖНЫХ СЛОВАХ.....	65
Д. Н. Гомон (Минск). ФОНЕТИКА И ПРОБЛЕМЫ ОМОНИМИИ.....	69
О. Е. Горбачевич (Минск). ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИКИ.....	72
В. В. Горнак (Витебск). СБЛИЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННЫХ И РАЗГОВОРНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В "ЗАПИСКАХ СТАРИКА" МАКСИМИЛИАНА МАРКСА.....	74
А. М. Григораш (Жека). ОБРАЗ "РЕАЛЬНЫЙ" И ОБРАЗ "ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ" НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ УКРАИНЫ.....	76
О. И. Гушева (Минск). ПАМЯТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	79
О. Э. Давыдыко (Минск). СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА.....	82
Т. А. Дикун (Минск). НОВОЕ В ШКОЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	85
М. А. Дмитриовская (Калининград). КОНЦЕПТ ТОСКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКЕ А. ПЛАТОНОВА.....	87
М. А. Дмитриовская (Калининград). ОНОМАСТИКОН АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ИЛЬЯ.....	90
Е. Е. Долбик (Минск). ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.....	94
Т. В. Долгина. НЕЯВНЫЕ АРХЕТИПЫ В ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	97
Л. Г. Дорофеева (Калининград). СЕМАНТИКА СЛОВА ВОЛЯ В СВЯЩЕННОМ ПРЕДАНИИ И ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ.....	100
И. М. Дятко (Минск). БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ.....	103
О. Е. Ефимчик (Минск). СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКА XVI ВЕКА.....	106
Н. В. Жданович (Минск). ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА И СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	109
Н. П. Жидина (Калининград). ЧЕТЫРЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННЫХ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА "КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА".....	112
А. О. Жодасбек (Алматы). ВЕСТОНИМЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.....	115
В. Б. Журавель (Минск). К СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В БЕЛОРУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ.....	117

Е. В. Журавлева (Минск). ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ФОНЕТИКОЙ КИТАЙЦЕВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ.....	119
А. П. Зяневич (Минск). ЛЕКСИКА-СЕМАНТИЧНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРАУНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ.....	121
В. Т. Иватович (Минск). ФРАЗЕОЛОГИЯ: СИНТЕЗ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ.....	124
Н. В. Иванина (Минск). О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ДРЕВНИХ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СЛАВЯНСКОЙ АСТРОНОМИКЕ.....	127
Н. И. Кабелка (Минск). СТРУКТУРА СЛОГА И СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	128
В. А. Карпов (Минск). СИММЕТРИЯ-АСИММЕТРИЯ-ДИССИММЕТРИЯ.....	132
Ж. К. Кымова (Алматы). ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА СЛАВЯНИЗМОВ В РУССКО-КАЗАХСКИХ СЛОВАРИХ.....	136
В. У. Клименка (Гомель). НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЫТОКИ СЕМАНТИКИ НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАЛИЗМОВ.....	138
М. Н. Клыгина (Минск). ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ: КОННОТАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ.....	140
В. И. Коваль (Гомель). А. РАКАДАБРА: СЛОВО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	143
А. А. Колжипова (Минск). ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	146
У. А. Кошчуня (Минск). СУАДНОСІНЫ НАЗВАў РАСЛІН І ІХ ПЛАДОў У БЕЛАРУССКАЙ МОВЕ.....	148
И. П. Кудреватых (Минск). ТИПОЛОГИЯ БЛОКОВ ИНФОРМАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИМПЕРСОНАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ.....	151
С. П. Кураш (Мозырь). О ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ДОСТОВЕРНОСТИ И НЕДОСТОВЕРНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИК РЕФЕРЕНТНЫХ СИТУАЦИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ.....	154

аднаго плоду ці зноў такі для выражэння зборнасці. У гэтым выпадку назвы адносяцца да тыпу $P \neq П$.

Той факт, што значэнне зборнасці перадаецца як формамі адзіночнага, так і множнага ліку, абумоўлены характарам вырастання на гэтых раслінах плодоў, якія растуць сукупна, а не адзінкава. Назва асобнага плода раслін гэтай групы можа таксама ўтварацца пры дапамозе суфікса адзінкавасці *-ін/-ын*: *чарнічына, сунічына, малина, ажынына*. Да гэтай групы адносяцца і назвы *парэчкі, сма-розіна*.

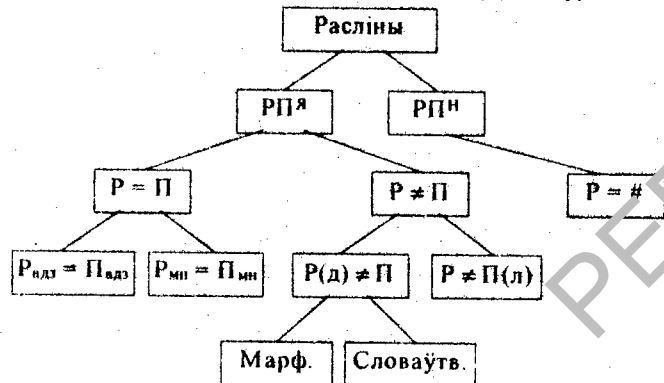
Адрозненне паміж назвай расліны і назвай плода можа адсутнічаць у дыялектах. Гэта ўказвае на тое, што такое адрозненне ў гэтай групе раслін не з'яўляецца нечым істотным (напр.: *малина/малина, брусніка/брусніка* (Гом. раён)).

Назвы тыпу *марошка, куманіка, талакнянка* з'яўляюцца запазычаннямі і нясуць у сабе як значэнне адзінкавасці, так і зборнасці.

Астатнія назвы гэтай групы можна падзяліць на дзве групы: а) расліны, назвы якіх супадаюць з назвамі іх плодоў (іх сукупнасцю) — *абляпіха, чаромха, бузіна, каліна, шыпічына, глог* (назва аднаго плода можа ўдакладняцца апісальным шляхам: *ягада абляпіхі*);

б) расліны, назвы якіх супадаюць з назвамі плодоў, маючы значэнне як аднаго плода, так і іх сукупнасці: *вішня, чарэшня, рабіна*. Таксама для перадачы значэння сукупнасці у назвах гэтай групы можа ўжывацца форма множнага ліку.

Такім чынам, грунтоўчыся на нашым аналізе, мы можам прапанаваць наступную схему ўзаемаадносін назваў раслін і іх плодоў у беларускай мове:

$РП^А$ — расліны з ядымымі плодамі; $РП^Н$ — расліны з неядымі плодамі; $P_{адз} = П_{адз}$ — назва расліны і назва плода (плодоў) маюць форму адзіночнага ліку; $P_{мно} = П_{мно}$ — назва расліны

і назва плода (плодоў) маюць форму множнага ліку; $P(д) \neq П$ — назва расліны з'яўляецца дэ-рыватам ад назвы плода; $P \neq П(л)$ — назва плода ўтвараецца пры дапамозе іншага кораня; **Марф.** — назва расліны ўтвараецца пры дапамозе марфалагічных сродкаў; **Словаўтв.** — назва расліны ўтвараецца пры дапамозе словаўтваральных сродкаў.

Літаратура

1. Кісялеўскі А. Лексічная аснова і словаўтваральныя сродкі беларускай батанічнай тэрміналогіі // [In.] СБ. Мн., 1994. С. 131—141.
2. Berlin B., Breedlove D., Raven P. General principles of classification and nomenclature in folk biology // American Anthropologist, 1973. Vol. 75. P. 214—242.
3. Gankrelidze T. Indo-European «appl» // Aspects of Language: Studies in Honour of Mario Alinei. Vol. I: Geolinguistics. Amsterdam: Rodopi, 1986. P. 91—97.

И. П. Кудреватых (Минск)

ТИПОЛОГИЯ БЛОКОВ ИНФОРМАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНДИВИДУАЛЬНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

В связи с возникновением лингвистики текста в центр грамматических исследований была выдвинута семантика, или теория глубинных структур, которая по-новому осветила круг синтаксических проблем. «Интерес ко всему скрытому (secret), ко всему, не данному в «поверхностной» реализации языка, к имплицитной (underlying) структуре языковых единиц, стремление создать универсальную модель» [5, 296—297] сначала предложения, а затем и текста определило методичку синтаксического анализа, в частности, принципы построения связного текста и его репрезентации.

Изучение языка художественной литературы имеет сегодня первостепенное значение, поскольку именно художественное произведение, то есть искусство слова, качественно отличается от всех других искусств. Как отмечает Л. А. Новиков, «это — явление психическое, наиболее «гибкий» и «подвижный» материал» [4, 7]. «Создавая и воспринимая произведения искусства, человек передает, получает и хранит особую художественную информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов а такой же мере, в какой мысль неотделима от материальной структуры мозга. Дать общий очерк структуры художественного языка в его отношении к структуре художественного текста, их сходства и отличий от аналогичных лингвистических категорий, то есть объяснить, как художественный текст становится носителем определенной мысли-идеи» [2, 12], — одна из актуальных задач стилистики художественного текста.

В последние годы внимание ученых обращено к проблеме восприятия, понимания, или декодирования смысла художественного текста. Описание литературного произведения, анализ его как целого представляет конечную цель многих современных исследований. Такой подход к тексту называется интерпретационным. Одним из признаков высоко художественного произведения является возможность нескольких интерпретаций его смысла. «Герменевтический круг, предполагающий одновременное присутствие целого и всех его частей, но тем самым и исключающий наличие у текста абсолютного начала, сам по себе уже свидетельствует в пользу принципиальной множественности интерпретаций» [6, 40]. Однако, указывает Ц. Тодоров, «в отличие от интерпретации отдельных произведений поэтика стремится не к выяснению их смысла, а к познанию тех закономерностей, которые обуславливают их появление» [6, 41]. Кроме того, объект структурной поэтики — это высказывания особого типа, каким является литературный текст (*discours litteraire*). И поскольку всякая интерпретация на первый план выдвигает семантико-стилистический аспект, исследователи сегодня больше интересуются смыслом отдельных произведений, а не общие условия порождения смысла, и потому наиболее исследуемыми являются художественные тексты.

«Художественная литература говорит на особом языке, который надстраивается над естественным языком как вторичная система», как «уникальный, *ad hoc* сконструированный знак особого содержания» [2, 30, 31], при анализе которого необходимо учитывать основные методологические принципы языкознания: принцип историзма, принцип учета взаимосвязи формы и содержания произведения, принцип уровневого подхода к анализу текста и принцип координации общего и отдельного (общезыкового, общезанрового, с одной стороны, и индивидуально-авторского, с другой) [1]. Такой подход к анализу текста дает возможность увидеть триаду: идейно-эстетическое содержание — образный строй — художественная речь, в которой образный строй является формой идейно-эстетического содержания, но сам в свою очередь выступает как содержание по отношению к форме — художественной речи [3].

В связи с обозначенной проблемой в качестве единицы систематизирования художественного текста, с помощью которой можно интерпретировать его содержание, мы выделяем блоки информации (БИ), дистантное варьирование которых составляет тематическое единство. Текст создается линейной последовательностью БИ и их контаминацией. Структурная организация текста на уровне БИ, расположенных дистантно, дает возможность проследить механизм формирования смысла всего художественного произведения, вскрыть те связи благодаря которым единицы более низкого уровня (предложения, СФЕ) объединяют-

ся в БИ, а затем в целый текст как логико-грамматическое и стилистическое единство.

Устанавливая художественные достоинства того или иного произведения, степень его эстетического воздействия на читателя, мы в первую очередь анализируем те отношения в структурной организации целого, которые и определяют его значимость как системы. Поэтому задача исследователя заключается в умении найти «ключ» к дешифровке своеобразного кода — текста. «Произведение искусства соотносится не с одним, а с многими дешифрирующими его кодами. Индивидуальное в художественном тексте — это не внесистемное, а многосистемное» [1, 123], поэтому может наблюдаться несоответствие между системой форм и системой значений. Проследить, каким образом этот внесистемное становится системным и наоборот, установить индивидуально-авторское употребление и переосмысление единиц языка разных уровней, а следовательно, установить типологию БИ как особую авторскую модель мироощущения, отражения сознанием объективных реалий — задача настоящего исследования.

Сделав сравнительный анализ стихотворений В. Брюсова и К. Бальмонта, основной темой которых является любовь, можно установить некоторую типологию авторской структуры БИ:

1. И у Брюсова, и у Бальмонта структуры БИ как моноцентрические, так и полицентрические, имеющие четко выраженную смысловую доминанту.

2. Основные отношения в оппозиции местоимений у В. Брюсова — отношения тождества, включения или пересечения, у К. Бальмонта — сравнительное и присоединительное сопоставление. Кроме того, причинно-следственные отношения — основа развития образных ассоциаций у Бальмонта. Установить регулярную оппозицию местоимений у обоих поэтов невозможно в результате их разнообразия. У Бальмонта в качестве ядра может употребляться субъект *я* в значениях как 'он', так и 'она'.

3. Экспликация БИ у Брюсова происходит на уровне именной части конструкций с абстрактной семантикой, в результате основой разворачиваемого образного представления является экспрессивная емкость лексем, связанных с концептами экзистенциональности предметной семантики. У Бальмонта связующими выступают слова, имеющие «колеблющийся признак пространственности» [7].

4. По смысловой значимости и структурной насыщенности БИ у Бальмонта тождественны, в то время как у Брюсова их можно условно разделить на основные, или предикативные, и периферийные, или релятивные; 1-й БИ, как правило, является периферией семантики художественного образа.

5. Основные стилистические фигуры любовной лирики Бальмонта — ана-

фора, лексический повтор и синтаксический параллелизм, что создает, с одной стороны, единство ритмической и интонационной динамики, а с другой — является основным стилиобразующим фактором, средством организации смысла не только на уровне отдельного стихотворения, но и на уровне всего цикла, устанавливая интегрирующие отношения БИ, то есть весь цикл воспринимается как единое произведение с двумя тематическими линиями. Первое стихотворение выступает аргументацией авторской позиции. Стилистической пометой поэтического языка К. Бальмонта является наличие так называемых коррелятивных субъектов. С одной стороны, слово с помощью рифмы вовлекается в звуковую организацию стихотворения, с другой стороны — создает эффект незримого присутствия абстрактного собеседника.

Литература

1. Купина Н. А. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1980.
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
3. Максимов Л. Ю. О связях лингвистической и литературоведческой дисциплины при подготовке учителей-словесников // Всесоюзное совещание-семинар по совершенствованию качества подготовки учителей по русскому языку для средней школы. Иваново, 1979.
4. Новиков Л. А. Искусство слова. М., 1982.
5. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
6. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм («за» и «против»). М., 1975.
7. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. М., 1965.

С. Б. Кураш (Мозырь)

О ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ДОСТОВЕРНОСТИ / НЕДОСТОВЕРНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИК РЕФЕРЕНТНЫХ СИТУАЦИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Любой текст функционирует в коммуникативно-эстетической рамке. Основными отношениями, в которых «живёт» художественный текст, направленный от автора к адресату, являются такие, как «текст — действительность», «текст — язык», «текст — макротекст».

В данной статье речь пойдёт о некоторых аспектах семиотической организации взаимосвязи «текст — действительность». Обозначенная проблема заставляет выдвинуть в центр исследования такую категорию текста, как рефе-

рентная ситуация (РС), под которой в лингвистике текста понимается фрагмент реальной действительности (денотат), отраженный в тексте.

Для типологизации текстов по параметрам РС значима такая характеристика последних, как *достоверность/недостоверность*. Наша цель — раскрыть лингвосемиотическую природу этих характеристик художественных текстов.

1. РС с характеристикой «достоверность». Лингвосемиотическое понимание достоверности/недостоверности не идентично обыденному пониманию этих характеристик аналогично тому, как грамматическая одушевленность/неодушевленность не тождественна биологической. Рассмотрим вначале семиотическую природу достоверности РС текста.

Во-первых, само понятие «достоверность, условно: фрагмент действительности (денотат), отраженный в реалистическом тексте, — это часто фрагмент вымышленной действительности. Таким образом, в основе разграничения РС на достоверные и недостоверные лежит не что иное, как наш когнитивно-языковой опыт: достоверной нам представляется та РС, которая *воспринимается как достоверная*, пусть даже мы осознаём, что факты, описанные в произведении, являются вымышленными [1]. Вот как об этом писал К. Федин: «Факт в большинстве случаев — лишь точка приложения силы, которую мы зовём фантазией... Сейчас, после окончания огромной диалогии, в общей сложности в 60 печатных листов, я оцениваю соотношение вымысла и «факта» как 98 к 2. Конечно, я много знал и знаю жизненных фактов из русской действительности 1910 и 1911 годов. Но только оттолкнувшись от них в простор воображения, я мог сочинить людей, в жизни никогда не виданных, не встреченных, но как бы безусловно живших» [2, 128].

Во-вторых, реалистический текст отражает действительность не по принципу «1:1», а по *принципу метонимии* [3, 143], сущность которого в следующем: «Из той информации, которую писателю дает его жизненный опыт, он делает определённый отбор, подвергает его компрессии и кодированию. <...> Передаются только кванты информации, по которым читатель восстанавливает целое» [4, 27]. Именно с поправкой на перечисленные особенности языка как инструмента интерпретации действительности можно говорить о достоверном («1:1») воспроизведении последней в тексте.

Непротиворечивость текста нашему представлению о действительности (т. е. его достоверность) — ещё не залог того, что текст должен быть декодирован в прямом смысле. В нем может присутствовать подтекст, в частности в кантрах *аллегории* и *басни реалистического характера*. Ср., например, стихотворения «Арion» и «Анчар» А. Пушкина, «Два великана» М. Ю. Лермонтова, «Песня о Буревестнике» М. Горького, басни И. А. Крылова «Лжец», «Крестья-